

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х. Халикова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

**ЭПОХА БРОНЗЫ И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
Материалы круглого стола «Древности Нижнего
Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского
могильника»**

**№ 2
2019**

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, док. ист. наук А.Г. Ситдиков

Ответственный редакторы:

канд. ист. наук С.В. Кузьминых, канд. ист. наук А.А. Чижевский

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова**Редакционный совет:**

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуныков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Васкул И.О., к.и.н. (Сыктывкар); **Дегтярева А.Д.**, к.и.н. (Тюмень); **Кирюшин Ю.Ф.**, д.и.н. (Барнаул); **Ковтун И.В.** д.и.н. (Кемерово); **Корякова Л.Н.**, д.и.н. (Екатеринбург); **Кузьминых С.В.**, к.и.н. (Москва); **Моргунова Н.Л.**, д.и.н. (Оренбург); **Обыденнов М.Ф.**, д.и.н. (Уфа); **Очир-Горяева М.А.**, д.и.н. (Казань); **Смирнов Н.Ю.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Усачук А.Н.**, к.и.н. (Донецк); **Черных Е.М.**, к.и.н. (Ижевск); **Чижевский А.А.**, к.и.н. (Казань).

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com<https://www.evrazstep.ru>

Индекс 71457, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агентство "Роспечать"

Выход 6 раз в год

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

No 2 2019

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Executive editor:

Candidate of Historical Sciences **Sergei V. Kuzminykh**,
candidate of Historical Sciences **Andrei A. Chizhevsky**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocarui Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:

Vaskul Igor.O., Candidate of Historical Sciences, (Syktyvkar); **Degtyareva Anna D.**, Candidate of Historical Sciences (Tyumen); **Kiryushin Yuri F.** Doctor of Historical Sciences (Novosibirsk); **Kovtun Igor V.** Doctor of Historical Sciences (Kemerevo); **Koryakova Ludmila N.**, Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg); **Kuzminykh Sergei V.**, Candidate of Historical Sciences, (Moscow); **Morgunova Nina L.**, Doctor of Historical Sciences (Orenburg); **Obydenov Michael F.**, Doctor of Historical Sciences (Ufa); **Ochir-Goryaeva Maria A.**, Doctor of Historical Sciences, (Kazan); **Smirnov Nikolai Yu.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Usachuk Anatolii N.**, Candidate of Historical Sciences, (Donetsk); **Chernykh Elizaveta M.**, Candidate of Historical Sciences (Izhevsk); **Chizhevsky Andrei A.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan).

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrazstep.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-------------------	---

Древности эпохи поздней бронзы

Усачук А.Н. (<i>Донецк, Украина</i>), Бахшиев И.И. (<i>Уфа, Россия</i>) Использование астрагалов домашних животных на поселениях эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья	10
Лыганов А.В. (<i>Казань, Россия</i>), Морозов В.В. , Азаров Е.С. (<i>Москва, Россия</i>) Луговские I и II стоянки и проблема соотношения черкаскульской, луговской и межов- ской культур в Нижнем Прикамье	38
Чижевский А.А. , Лыганов А.В. (<i>Казань, Россия</i>), Кузьминых С.В. (<i>Москва, Россия</i>) Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры	99
Чижевский А.А. , Галимова М.Ш. , Губайдуллина А.В. (<i>Казань, Россия</i>) Казанская стоянка (по материалам исследований 1938 г.)	124
Шипилов А.В. (<i>Казань, Россия</i>) Кузькинская XVII стоянка (атрибуция и хронология)	165

Проблемы изучения раннего железного века

Новиков А.В. (<i>Кострома, Россия</i>) Актуальные проблемы изучения поселений РЖВ восточной части бассейна Верхней Волги (Костромское и Ивановское Поволжье). К постановке вопросов	179
Овсянников В.В. , Савельев Н.С. (<i>Уфа, Россия</i>) Воинское святилище на Акбердинском II городище	201
Черных Е.М. (<i>Ижевск, Россия</i>) К 120-летию начала исследований Зуевского (Зуевоключевского I) могильника	227
Оруджов Э.И. (<i>Казань, Россия</i>), Глушков К.Н. (<i>Киров, Россия</i>) Чижевское (Марьин кокош- ник) городище. Итоги археологических исследований за 2017–2018 гг.	246
Перескоков М.Л. (<i>Пермь, Россия</i>) Ананьинский комплекс Мокинского поселения-могильника	259

История археологии

Воробьёва С.Л. (<i>Уфа, Россия</i>) Лесостепная часть Южного Приуралья в эпоху раннего железа: история изучения вопроса и перспективы исследований	268
Кузьминых С.В. (<i>Москва, Россия</i>) М.Г. Худяков: из неизданного при жизни	292
Резолюция по итогам заседания круглого стола «Древности Нижнего Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского могильника» г. Елабуга, 23–25 мая 2018 г.	306
Список сокращений	307

CONTENTS

Foreword	6
-----------------------	---

Antiquities of the Late Bronze Age

Usachuk A.N. (<i>Donetsk, Ukraine</i>), Bakhshiyev I.I. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Use of Domestic Animal Astragals in the Settlements of the Late Bronze Age in the Bashkir Trans-Urals	10
Lyganov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Morozov V.V. , Azarov E.S. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Lugovskaya I and II Sites and the Issue of the Interaction of Cherkaskulskaya, Lugovaya and Mezhovskaya Cultures in the Lower Kama Region	38
Chizhevsky A.A. , Lyganov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Kuzminykh S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Early (Atabaevo) Stage of Maklashevo Culture	99
Chizhevsky A.A. , Galimova M.Sh. , Gubaidullina A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Kazanskaya Site (On the Basis of 1938 Study Materials)	124
Shipilov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Kuzkinskaya 17 Site (Attribution and Chronology)	165

Problems of Studying the Early Iron Age

Novikov A.V. (<i>Kostroma, Russian Federation</i>) Current Issues of Studying Early Iron Age Settlements in Eastern Area of the Upper Volga Basin (Kostroma and Ivanovo Volga Regions). Presentation of the Issues	179
Ovsyannikov V.V. , Savelyev N.S. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Military Sanctuary in Akberdino II Settlement	201
Chernykh E. M. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) 120th Anniversary of The Study of Zuevsky (Zuevoklyuchevsky I) Burial Ground	227
Orudzhov E.I. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Glushkov K.N. (<i>Kirov, Russian Federation</i>) “Chizhevskoye (Maryin Kokoshnik) Settlement”. Results of Archaeological Studies in 2017-2018	246
Pereskokov M.L. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Ananyino Complex of Mokinsky Settlement and Burial Ground	259

History of Archaeology

Vorobyeva S.L. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Forest-Steppe Part of Southern Urals in Early Iron Period: history of studying the issue and research prospects	268
Kuzminykh S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) M.G. Hudyakov: from unpublished during lifetime	292
Resolution following the results of a roundtable meeting "The Antiquities of the Lower Kama Region and the 160th Anniversary of the Archaeological Study of Ananyino Burial Mound", Elabuga, May 23-25, 2018.	306
List of Abbreviations	307

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902/904

ЛЕСОСТЕПНАЯ ЧАСТЬ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2019 г. С.Л. Воробьева

В статье рассмотрена история изучения кара-абызской культуры эпохи раннего железа лесостепной части Южного Приуралья. В I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. археологи на данной территории выделяют ананьинскую эпоху или «ананьинскую историко-культурную общность», культуру курмантау, кара-абызскую культуру, пьяноборскую культуру, гафурийский и убаларский типы. Вопросы формирования и развития кара-абызской культуры рассмотрены в работах В.В. Гольмстен, А.В. Збруевой, Т.Н. Троицкой, А.Х. Пшеничнюка, В.Ф. Генинга, В.А. Иванова, В.В. Овсянникова, Н.С. Савельева и др. С момента выделения кара-абызской культуры в 60-е гг. XX в. не решены ключевые вопросы в данной проблематике: выделение кара-абызской культуры в отдельную (А.В. Шмидт, К.Ф. Лагодовская, А.Х. Пшеничнюк, Н.С. Савельев, В.В. Овсянников, С.Л. Воробьева), или как часть ананьинской (А.В. Збруева) или пьяноборской общности (Н.А. Мажитов, В.Ф. Генинг, Р.Д. Голдина); выделение хронологических периодов, вопрос о происхождении гафурийского комплекса в составе кара-абызской культуры. Основные причины разнообразия концепций по данному вопросу: большая часть археологического материала не опубликована, антропологический материал мало изучен.

Ключевые слова: кара-абызская культура, культура курмантау, пьяноборская культура, гафурийский тип, убаларский тип, ананьинская культура, имендяшевский тип, история изучения, Приуралье, эпоха раннего железа.

С географической точки зрения к лесостепной части «Южного Приуралья» (или как в некоторых работах можно встретить Предуралье) относится территорию ограниченную с востока Уральскими горами, с запада граница проходит по левобережью р. Белая. С историко-географической точки зрения в эту территорию включают более широкое понятие – от о.Челкар на юге, до устья р. Белая на севере. Это территория современной Республики Башкортостан, Оренбургской области, Казахстана и захватывается часть Татарстана, Пермской области и Удмуртии. К лесостепи относится клин, вытянутый вдоль западного склона края горно-лесной зоны и относящийся на всем протяжении к бассейну р. Белая.

В последнее время исследователи все чаще обращаются к вопросам истории изучения эпохи раннего железа данной территории. Это обусловлено, прежде всего, тем, что процесс накопления массового археологического материала естественным образом сменился процессом анализа и осмысления. При множестве теорий и гипотез на этнокультурные процессы, происходящие в регионе, появляется необходимость задуматься

над вопросом «а что же на данный момент мы имеем» и что можно сделать для решения вопросов происхождения и развития тех или иных культур.

В лесостепной части Южного Приуралья исследователи I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. исследователи выделяют ананьинскую эпоху или «ананьинскую историко-культурную общность», культуру курмантау, кара-абызскую культуру, пьяноборскую культуру, гафурийский тип, убаларский, тип. Кара-абызская и пьяноборская культуры рядом исследователей отнесены к памятникам ананьинской историко-культурной общности.

Наиболее остро в последнее время стоит вопрос сложения и развития кара-абызской культуры, выделенной в 60-е гг. XX в. (Лагодовская, 1943, с. 80–83; Пшеничнюк, 1964, 1968). Кара-абызская культура возникла, с одной стороны, на основе местного, лесного населения, с другой – на основе пришлого, кочевнического, компонента (т. н. «гафурийский тип» или «гафурийский культурный комплекс» (Пшеничнюк, 1976, с. 126; Савельев, 2007, с. 134; 2011а, с. 56).

Материальная культура населения, оставившего памятники кара-абызской культуры, гафурийского и убларского типов, рассматривалась в работах В.В. Гольмстен, А.В. Збруевой, Т.Н. Троицкой, А.Х. Пшеничнюка, В.Ф. Генинга, В.А. Иванова, В.В. Овсянникова, Н.С. Савельева и др. Историко-графический обзор проблемы формирования кара-абызской культуры частично был рассмотрен в первой главе кандидатской диссертации В.А. Иванова (Иванов В.А., 1978, с. 8–49) и в последующем опубликован в 2010 г. (Иванов, 2010б), освещен в работах Е.В. Волковой (Волкова, 2011), А.С. Проценко (Проценко, 2015а, 2015б), В.В. Овсянникова (Овсянников, 2017).

Начало изучения памятников кара-абызской культуры связано с XIX – началом XX вв. Сведения о них встречаются в путевых записках Н.П. Рычкова. Он описал городища Кара-Абыз близ г. Благовещенска, Уфимское (Чертово), Бирское (Овсянников, 2009б, с. 223). Первые раскопки на городищах были предприняты Ф.Д. Нефедовым в 1894 г., который заложил несколько шурфов и траншей на площадках памятников (Пшеничнюк, 1973, с. 163).

В начале XX в. В.В. Гольмстен совместно с Д.Н. фон Эдингом предпринимает первые раскопки могильника вблизи Чертова городища, названного Уфимским (Гольмстен, 1912, Гольмстен, 1913). Мало кому известно, но В.В. Гольмстен приехала в Уфу для изучения могильника после того, как он был открыт местным краеведом, историком края, П.Ф. Ищериковым, одним из активных деятелей действовавшего в дореволюционное время семейно-педагогического общества. Осенью 1909 г. он на секции изучения местного края сделал сообщение о собранных при рытье траншеи на даче Верецковского (дача располагалась на территории Уфимского могильника) черепа от не взятого костяка, медных и костяных наконечников стрел и ржавого наконечника копья, которые потом хранились на диванной полке в кабинете Верецковского. Об этих находках было помещено сообщение в «Уфимский вестник». В 1910 г. эту информацию сообщили приехавшей в Уфу В.В. Гольмстен. Состоялось знакомство П.Ф. Ищерикова с ней. Она на средства семейно-педагогического общества на территории дачи Верецковского, в ее районе и на прилегающей территории Чертова городища (вклю-

чая его вал и ров), провела раскопки летом 1910–1912 гг. П.Ф. Ищериков был участником раскопок и первым хранителем коллекции¹.

За два года работ на могильнике обнаружено 28 погребений, содержащих как женские, так и мужские наборы инвентаря. Исследователь опубликовала результаты раскопок одного года (Гольмстен, 1913), остальные же материалы были опубликованы только в 2003 г. (Овсянников, 2003). В.В. Гольмстен попыталась интерпретировать полученные материалы. Она отмечает общее сходство Уфимского могильника как с могильниками Приуралья – Ананьинским, Котловским и др., так и с такими могильниками, как Кошибе-евский, Лядинский, Томниковский, а также с Пьяноборским. Но, несмотря на сходство, «Уфимский могильник должен принадлежать культуре, если не совершенно новой, то, по меньшей мере, малоизвестной» (Гольмстен, 1913, с. 13). Автор обратила внимание и на бляхи с изображением животных, аналогии которым найдены в восточных губерниях России (Гольмстен, 1913 с. 9). Исследователь попыталась определить датировку могильника относительно Ананьинского, который, по ее мнению, функционировал в IV–III вв. до н. э. В целом, Уфимский могильник датируется В.В. Гольмстен I–III в. н. э. (Гольмстен, 1913).

Научными изысканиями В.В. Гольмстен заканчивается этап простого собирания кара-абызских и гафурийских древностей, когда была выдвинута гипотеза о существовании на правом берегу р. Белой новой культуры, отличной от ананьинско-пьяноборской.

Первые археологические раскопки в послереволюционный период в лесостепной зоне Южного Урала, были организованы Стерлитамакским народным музеем (СНМ) (сейчас – Стерлитамакский историко-краеведческий музей), под руководством заведующего историко-археологическим отделом музея М.С. Смирнова в 1920 г. Уже в 1920–1921 гг. в экспедиционных выездах М.С. Смирнова участие принимал сотрудник Уфимского музея (сейчас – Национальный музей Республики Башкортостан) М.И. Касьянов, с именем которого связана вся археологическая работа довоенного времени, так в 1921 г. он обследовал селище Воронки кара-абызской культуры в окрестностях Уфы. После

¹ Данные получены в результате изучения документального фонда Национального музея РБ (НМ РБ, НВ 23319/108, л. 4; Ищериков, 1929а, 1929 б).

отъезда М.С. Смирнова из Башкортостана, вся археологическая работа концентрируется в г. Уфе. С именем М.И. Касьянова связаны первые исследования в Гафурийском районе кара-абызской культуры. Он был уроженцем дер. Михайловка (существовала до 70-х гг. XX в. у подножья горы Курман-Тау), поэтому в округе своей родной деревни открыл три поселенческих объекта на горе Курман-тау: «Курмантау Нижнее» (Курмантау-2 или стоянка им. М.И. Касьянова), «Курмантау Среднее» (Курмантау-6 или Касьяновское городище) и «Курмантау Верхнее» (Курмантау-5 или Курмантаевское селище) (АКБ, 1976, №1249–1255, с. 146–147; АПБ, 1996, 204–206, с. 163–164), на горе Белая (Воскресенка) обнаружил Воскресенское городище (Табынск-2) (АКБ, 1976. №1258, с. 147; АПБ, 1996. №. 207, с. 164–164). Б.А. Коишевский отмечал: «за долгие годы полевых работ М.И. Касьянов собрал большое количество вещественного материала, весьма значительно пополнившего археологические коллекции музея... (он составил несколько списков археологических памятников, главным образом на основе своих работ)» (Коишевский, 1948, с. 163–164).

Важным событием довоенной истории региона стало проведение полевых работ Уральской археологической экспедицией совместно с Башкирской экспедицией АН СССР в северной и центральной Башкирии. Отряд возглавлял профессиональный археолог А.В. Шмидт (Ленинград), а М.И. Касьянов принимал активное участие в его работе. Были открыты новые памятники эпохи раннего железа на горе Курмантау и селище Воронки в г. Уфе. Изучение этих объектов позволило А.В. Шмидту отнести их к «уфимской культуре»: он отметил культурные и этнические связи ее носителей с кочевниками степного юга. А.В. Шмидт предположил, что в эпоху бронзы и начала железа существовала одна большая камская культурная область, куда входит Кама, Вятка, Белая, и Волга. Характерными культурными признаками этой области являются металлический инвентарь ананьинских типов и круглодонная посуда, в области выделяются отдельные культурные провинции, отличающиеся значительным своеобразием, в частности – в отношении керамики (Шмидт, 1929, с. 15). К.Ф. Лагодовская же предложила называть «уфимскую культуру» «кара-абызской» по названию

наиболее полно изученного памятника (Лагодовская, 1943, с. 80–83).

В 1945 г. Б.А. Коишевский, сотрудник Башкирского краеведческого музея составил картотеку археологических памятников и учел все известные объекты и случайные находки, а также написал статью об итогах изучения территории Башкирии, где он касается и кара-абызской культуры, ссылаясь на диссертацию Е.Ф. Лагодовской (Коишевский, 1948).

Таким образом, послевоенный этап исследований памятников и предметного комплекса кара-абызской культуры связан с дискуссиями по поводу ее этнической интерпретации и выделения в самостоятельную культуру. Как правило, археологи находили аналогии предметному комплексу в степных (савроматских и сарматских) памятниках.

В 1952 г. появляется монографическое исследование по ананьинской культуре А.В. Збруевой, которая не поддержала точку зрения о выделении памятников правобережья р. Белой в особую культуру. Уфимский могильник, единственный на тот момент изученный погребальный комплекс кара-абызского населения, был отнесен исследователем к позднему этапу ананьинской культуры (Збруева, 1952). При этом в работе постоянно подчеркивается отличие инвентаря упомянутого могильника от других погребений ананьинской культуры. В работе А.В. Збруевой впервые анализируется костюм носителей ананьинской культуры, в том числе и населения, оставившего Уфимский могильник. Автор выделяет мужские и женские комплексы, подчеркивая единичность поясного набора и уникальность изделий в зверином стиле. Она отмечает сходство звериного стиля ананьинской культуры со скифо-сибирским звериным стилем (Збруева, 1952 с. 175). Несомненной заслугой А.В. Збруевой является датирование Уфимского могильника IV–III вв. до н. э., что до сих пор не потеряло актуальности.

Совершенно другой точки зрения на проблему культурной принадлежности памятников правобережья р. Белой придерживался А.П. Смирнов. Первоначально исследователь говорит об отличии керамики городищ правобережья р. Белой и инвентаря Уфимского могильника от инвентаря и керамики в погребениях ананьинской культуры (Иванов В.А., 1978, с. 19). Позже А.П. Смирнов хоть и говорит о существовании кара-абызской, или уфимской, культуры, но представляет ее

локальным вариантом ананьинской культуры (Смирнов А.П., 1957, с. 29).

Точку зрения А.П. Смирнова поддержал и Р.Б. Ахмеров, которым в 1952–1956 гг. были раскопаны часть погребений Ново-Уфимского могильника² и Уфимское городище (Ахмеров, 1959). Материалы опубликованы исследователем в обобщающей статье, где он дает краткую характеристику предметам материальной культуры кара-абызского населения (Ахмеров, 1959)³. Р.Б. Ахмеров отмечает генетическую связь памятников правобережья р. Белой и ананьинских памятников Прикамья, но считает, что первые можно выделить в самостоятельную, бельско-уфимскую, культуру. Население эпохи раннего железа, проживающее на территории Башкирии, по мнению автора, было смешанным и в его сложении участвовали как местные, угро-финские и сармато-аланские, племена, так и, пришлые племена тюрского происхождения (Ахмеров, 1959, с. 167). Р.Б. Ахмеров впервые попытался определить этническую принадлежность населения, оставившего памятники кара-абызской культуры.

В 1953–1955 гг. была организована башкирская археологическая экспедиция АН СССР под руководством Т.Н. Троицкой и Г.В. Юсупова, в ходе которой найдены и изучены новые поселенческие памятники, расположенные на территории Гафурийского района на горе Курмантау (Курмантаевское и Михайловское городища), раскопаны Воскресенское и Табынское городища. На всех известных объектах в это время были организованы археологические раскопки (Юсупов, 1953; 1954; 1955). Работы Г.В. Юсупова и Т.Н. Троицкой на поселениях в Гафурийском районе позволили исследователям отнести их к уфимской культуре (Юсупов, 1959, с. 84) или «культуре Курман-Тау» (Троицкая, 1959, с. 96), датируемой IV–III вв. до н. э. Г.В. Юсупов высказался впервые об угорском характере гафурийских племен (Юсупов, 1957, с. 83–89).

В 1955 г. А.П. Шокуровым был открыт Биктимировский могильник (Шокуров, 1955, с. 1–2), а в 1962 г. первые раскопки на памятнике провел К.В. Сальников (Сальников, 1962). Исследователь попытался найти анало-

гии полученным материалам в сарматских древностях, которые позволили ему датировать могильник IV–II вв. до н. э. (Сальников, 1962, с. 42).

Возможно, еще один могильник кара-абызской культуры был найден А.П. Шокуровым рядом с Воскресенским городищем. По описанию А.П. Шокурова на трех погребениях древнего могильника еще сохранилась каменная кладка, в виде овальных колец. Кольца выложены из ромбических камней, остриями вверх, что придает кладке красивый зубчатый бортик. «Наряду с тремя описанными погребениями угадываются еще около десятка погребений. Близость могильника от городища заставляет предполагать, что здесь жители городища Воскресенская гора погребали своих сородичей» (Шокуров, 1955а, с. 16). Этот могильник в последующем не был обнаружен археологами.

В 1957 г. археологической экспедицией ИИЛЯ БФАН СССР под руководством М.Х. Садыковой было изучено селище Убалар, расположенное в Гафурийском районе. По материалам этого памятника, исследователь относит его к уфимской культуре VI–IV вв. до н.э., отмечая сходство селища с селищем Курман-Тау. Некоторое сходство с элементами сарматской культуры, проявляющееся в орнаментации сосудов, по ее мнению, «свидетельствует о взаимодействии племен уфимской культуры с раннесарматскими племенами, которое могло иметь место в начале IV в. до н.э., когда на территории Башкирии, в частности, в Кармаскалинском районе, появились раннесарматские племена и территориальная близость могла способствовать проникновению сарматского влияния в среду племен уфимской культуры» (Садыкова, 1962, с. 129).

Следующий этап в изучении кара-абызской культуры связан с научной деятельностью А.Х. Пшеничнюка, который не только исследовал основные погребальные памятники кара-абызской культуры и опубликовал материалы по ним, но и обосновал ее выделение в особую культуру, определил ее хронологические и территориальные рамки.

А.Х. Пшеничнюк начал заниматься изучением кара-абызской культуры, работая с К.В. Сальниковым на раскопках Биктимировского могильника в 1962 г. (Сальников, 1962). На следующий же год изучение памятника проходило уже под его руководством (Пшеничнюк, 1963). Материалы Биктимиров-

² Могильник, расположенный в юго-западной части города, исследовался в 1950–1970-е годы во время застройки г. Уфы.

³ Работа является единственным источником по раскопкам данного памятника.

ского могильника позволили исследователю датировать его III–II вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1964, с. 226). А.Х. Пшеничнюк в публикации могильника подробно описал женские и мужские украшения, а также привел примеры аналогичных украшений, найденных на Ново-Уфимском могильнике и на поселениях типа Кара-Абыз, сравнил материалы Биктимировского могильника с материалами пьяноборских памятников Прикамья, выявив весьма существенные различия между ними. Это дало автору основания для выделения кара-абызских памятников в самостоятельную культуру (Пшеничнюк, 1964). Впервые он попытался выделить три этапа в развитии кара-абызской культуры: V–IV вв. до н. э., IV–II вв. до н. э., II в. до н. э. – I в. н. э. (Пшеничнюк, 1964, с. 158; Пшеничнюк, 1967а, с. 158). При этом к первому периоду, по мнению А.Х. Пшеничнюка, относится могильник по ул. Трактовой, который хронологически соответствует ананьинскому периоду, часть погребений Ново-Уфимского могильника с бронзовыми кельтами. По мнению исследователя это вариант большой единой ананьинской культуры. К ананьинской керамике он относил круглодонные низкие сосуды с примесью раковины, орнаментированные горизонтальными оттисками шнура и одним рядом ямок по шейке (Пшеничнюк, 1967а, с. 164). По поселениям этот этап исследователь начинает датировать VIII–IV вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1967а, с. 170).

Второй и третий этапы А.Х. Пшеничнюк выделяет в самостоятельную кара-абызскую культуру, считая ее отличной от пьяноборской. Ко второму этапу отнесено подавляющее большинство известных на тот момент погребений Уфимского и I, II, III Биктимировских могильников, к третьему этапу – часть погребений из могильников второго этапа. С этими этапами связана кара-абызская керамика (круглодонные сосуды в виде чаш с широким низким горлом, с примесью раковины, крупнозернистого песка или мелких дробленных камешков в тесте) и сарматоидная (в последствии- гафурийская – круглодонные и плоскодонные сосуды с утолщенным венчиком, с примесью талька, раковины или дресвы в тесте, горковидной и чашевидной формы, орнаментированы горизонтальными желобками, резными зигзагами, насечками, гирляндами). А.Х. Пшеничнюк писал, что наличие сарматоидной и ананьинской кера-

мики на кара-абызских населенных – результат влияния и связей с соседними племенами – нижнекамского варианта ананьинской и сарматской культур, что чем южнее памятник, тем больше сарматской керамики, к северу количество ананьинской керамики увеличивается, а сарматской сокращается (Пшеничнюк, 1964, с. 100).

Кара-абызскую культуру А.Х. Пшеничнюк включал в единую Прикамскую культуру эпохи раннего железа, куда, возможно, кроме пьяноборской и кара-абызской, следует включить и гляденовскую культуру. Эта общность начала формироваться, видимо, еще в эпоху поздней бронзы, что хорошо прослеживается на материалах культуры курмантау, приказанской и ерзовской, имеющих ряд общих моментов (Пшеничнюк, 1967а, с. 170). Позже, по мере накопления источниковой базы, исследователь поменяет свою точку зрения на периодизацию кара-абызской культуры.

Анализ Уфимского, Охлебининского и Биктимировского могильников на первоначальном этапе исследований позволили А.Х. Пшеничнюку говорить о смешении «сарматоидного» населения с местными потомками ананьинцев, в результате которого сложилась кара-абызская культура (Пшеничнюк, 1967б, с. 52).

После доклада А.Х. Пшеничнюка на IV Уральском археологическом совещании в 1967 г. о периодизации кара-абызских памятников, свое мнение в пользу прочитанного доклада высказали М.Г. Мошкова, В.А. Оборин. М.Г. Мошкова подчеркнула, что периодизация кара-абызской культуры совпадает с периодизацией сарматской культуры (Оборин, 1967, с. 220). В.Ф. Генинг считал, что сарматское влияние на кара-абызские племена было незначительным, сарматоидная керамика на этих памятниках составляет лишь 8% (Оборин, 1967 с. 222). В.А. Оборин до этого отнес памятники Еловского района Пермской края (Калиновское городище и селище, Еловское селище) к кара-абызским поселениям, которое связано с межплеменным обменом и передвижением отдельных групп населения из Южного Приуралья через территорию Башкирии в Верхнее Прикамье (Оборин, 1964, с. 129–131). А.Д. Вечтомов на этом же совещании развил тезис В.А. Оборина о перемещении части кара-абызских племен в Среднее Прикамье в V–IV вв. до н.э. под натиском

савроматов, с чем связывал вытеснение местной ранней ананьинской керамики кара-абызской (Вечтомов, 1967, с. 148).

Результатом исследований А.Х. Пшеничнюка стала диссертационная работа, где автор делает вывод о существовании особого, бельского, варианта ананьинской культуры, на основе которого сформировалась самостоятельная кара-абызская культура (Пшеничнюк, 1968а, с. 17). Свои выводы он опубликовал в отдельной работе (Пшеничнюк, 1973).

В 1971 г. А.Х. Пшеничнюк высказывает свое мнение о происхождении носителей гафурийской и генетически связанных с ними носителей убаларской керамики, проживавших по правому берегу р. Белой от Уфы до г. Стерлитамака. Он считает, что гафурийские племена обитали ранее в Зауралье, поддерживая точку зрения К.Ф. Смирнова и М.Г. Мошковой, а также были угрозичными и приняли участие в сложении кара-абызской культуры. Гафурийцы вели оседлый образ жизни и занимались главным образом пастушеским скотоводством и земледелием (Пшеничнюк, 1971, с. 91). Кара-абызские племена легли в основу раннебахмутинского (мазунинского) населения, а убаларские племена стали одним из основных компонентов при сложении культуры типа Имендяшевского городища (Пшеничнюк, 1971, с. 92).

Г.И. Матвеева, так же в свою очередь, придерживалась точки зрения, что раннебахмутинское или мазунинское население сложилось в результате интеграции родственных культур: пьяноборской и кара-абызской, при ведущей роли последней. Она отмечает, что керамика имендяшевского типа имеет сходство с убаларской, что свидетельствует о генетических связях носителей этих типов посуды. Г.И. Матвеева делает предположение, что памятники имендяшевского типа принадлежат к мазунинской (раннебахмутинской) культуре (Матвеева, 1971, с. 129).

И.Г. Ширококов и Е.М. Черных в качестве аргумента в пользу гипотезы о происхождении части мазунинцев (бахмутинцев) от кара-абызцев рассматривают лишь большее сближение данных групп между собой, чем любой из них и чегандинцев (пьяноборцев) (Ширококов, Черных, 2016, с. 31). Наибольшую близость показали мужские серии, в то время, как женские серии кара-абызцев показывают обособленность от мазунинских (бахмутинских) и наибольшую близость с

чегандинскими (пьяноборскими). Мужские серии Охлебининского (I в. до н.э. – II в. н.э.) и Шиповского (IV–III вв. до н.э.) могильников также близки к серии из позднесарматского Покровского могильника (IV–V вв. н.э.) (Ширококов, Черных, 2016, рис. 1, с. 30). Несмотря на эти данные, И.Г. Ширококов отмечает, что «при строгом подходе антропологические данные не могут использоваться в качестве хороших аргументов в пользу заключения о прямой генетической преемственности населения Прикамья в первой половине I – конце II тысячелетия н.э.» (Ширококов, 2016, с. 273).

В.А. Могильников отмечает контакты кара-абызского населения с Зауральским населением конца I тыс. до н.э., которое проявилось в зверином стиле украшений костюма носителей кара-абызской культуры (Могильников, 1971, с. 151).

Проблему происхождения кара-абызского населения попыталась решить антрополог М.С. Акимова, проанализировав черепа из 14 захоронений Биктимировского могильника. По большинству признаков этот материал не выходит за пределы вариаций признаков у европеоидных групп, но слабое выступание носа, особенно на женских черепках, позволяет думать о наличии монголоидной примеси. Однако она отметила, что ни на одном черепе нет комплекса монголоидных черт, отдельные признаки монголоидного характера разбросаны по всей серии (Акимова, 1968, с. 26). Исследователь сравнила выборки с черепками из Луговского могильника ананьинской культуры и с материалами Зауральских памятников (Прыговский, Шадринский, Шмаковский и Воробьевский могильники). Этот анализ дал основание говорить о том, что изучаемое население было местным по антропологическому типу (Акимова, 1968, с. 29). Сравнение кара-абызских черепков с пьяноборскими из Чегандинского, I и II Ныргындинского и Камышлы-Тамакского могильников показало связь между ними и существование двух вариантов, долихокранного и мезокранного, единого типа. По мнению М.С. Акимовой, в конце первого тысячелетия до н.э. происходит формирование единого антропологического типа с различными вариантами. На черепках кара-абызской и пьяноборской культур отмечается преобладание европеоидных черт. Монголоидные особенности проявляются только в умеренном или слабо выступа-

ющем носе. Этот тип, как предполагает М.С. Акимова, имел широкое распространение и послужил основой для формирования последующего населения этой области (Акимова, 1968, с. 35–36).

В.Ф. Генинг впервые поднимает вопрос о кара-абызской культуре в 1961 г., считая, что «пока рано говорить о какой-то «уфимской культуре» (Генинг, 1961, с. 28), а керамику с кара-абызских памятников он называет пьяноборской (Генинг, 1961, с. 27). Затем исследователь придерживался мнения, что в IV в. до н.э. среди немногочисленного ананьинского населения правобережья среднего течения р. Белой в Гафурийском районе поселилась группа пришлых племен (гафурийский археолого-этнический тип), а слияние гафурийского и ананьинского населения приводит к формированию культуры убаларского типа, относящихся к угорской группе (Генинг, 1971, с. 44–45). При этом убаларскими могильниками он считал Охлебининский и Шиповский. Северо-западные районы Башкирии по его мнению входили в состав чегандинской культуры, а правобережье р.Белая занимали племена кара-абызской культуры (Генинг, 1971, с. 46). Таким образом, на начальном этапе своих исследований В.Ф. Генинг не отрицал возможность выделения кара-абызской культуры.

На кандидатской диссертации не закончилось изучение А.Х. Пшеничнюком памятников правобережья р. Белой. В 1960-е гг. он исследовал памятник Гафурийского района (селище Курман-Тау, Касьяновское, Михайловское, Табынское городища (Пшеничнюк, 1983а). В 60–80-г гг. он провел раскопки на одном из самых больших по площади погребальных памятников кара-абызской культуры – Охлебининском могильнике. Подробному описанию инвентаря Охлебининского могильника из раскопок 1965 г. с первой типологией вещевого комплекса посвящена еще одна работа исследователя. Все погребения он делит уже на ранние (IV–III вв. до н. э.) и поздние (конец II в. до н. э. – II в. н. э.) (Пшеничнюк, 1968). С этого времени исследователь начинает датировать кара-абызскую культуру с IV в. до н. э.

Позже, в обобщающей работе А.Х. Пшеничнюк, анализируя материалы 7 могильников и 24 поселений кара-абызской культуры, выделяет следующие этапы ее развития: 1 – IV–III вв. до н. э., 2 – III–II вв. до н. э.,

3 – II в. до н. э. – II в. н. э. Им была предложена и типология элементов убранства костюма, основанная на принципах морфологического различия предметов (Пшеничнюк, 1973). В работе автор сравнивает женские костюмы носителей кара-абызской культуры и населения пьяноборской общности, выделяя как общие элементы убранства (например, дисковидные бляхи), так и украшения, присутствующие только в погребениях одной из культур. При составлении типологии, А.Х. Пшеничнюк постоянно пытается привести аналогии предметам, которые имеются в кочевнических памятниках. В керамическом материале автор выделяет собственно кара-абызскую керамику, шнуровую, гафурийскую и убаларскую, отмечая, что кара-абызская керамика, орнаментированная пояском ямок по шейке сочеталась на ранних этапах (IV–II вв. до н.э.) с гафурийским, а затем (II в. до н.э. – II в. н.э.) с убаларским типом (Пшеничнюк, 1973, с. 210). В этой же работе А.Х. Пшеничнюк пишет о том, что носители кара-абызской культуры вели комплексное хозяйство, включающее скотоводство и земледелие. Так же он описывает металлургию и домашние промыслы. Формирование кара-абызской культуры исследователь связывает с Бельским вариантом ананьинской культуры, считая в след за К.В. Сальниковым (Сальников, 1967, с. 386), что в ее сложении принимали участие племена культуры курмантау (Пшеничнюк, 1973, с. 225). В процессе формирования кара-абызской культуры приняли участие и пришлые в IV в. до н.э. в Приуралье гафурийские племена из района Зауралья или Северного Кавказа, часть из которых вошла в состав прохоровской культуры, а другая осела по правобережью р. Белая, где в этот период обитали ананьинские племена (Пшеничнюк, 1973, с. 232). Именно в этой работе А.Х. Пшеничнюк указывает, что расхождения по вопросу выделения кара-абызской культуры в самостоятельную культуру в значительной мере обусловлены дискуссионным характером понятия археологическая культура. Но в общем он соглашается, что кара-абызские памятники можно вместе с пьяноборскими и гляденовскими объединить в единую культурную общность (Пшеничнюк, 1973, с. 238).

В вопросе последующего развития кара-абызской культуры, А.Х. Пшеничнюк поддерживает точку зрения, что племена пьяноборской и кара-абызской культур составили

основу раннебахмутинской (мазунинской) культуры, а убаларские племена приняли участие в формировании культуры типа имендьяш (Пшеничнюк, 1973, с. 242–243).

Эта работа А.Х. Пшеничнюка является единственным на данный момент обобщающим цельным исследованием по кара-абызской культуре.

Г.И. Матвеева, изучив материалы убаларских поселений пришла к выводу, что они соответствуют поздними погребениям кара-абызских могильников, а комплексы, где встречается убаларская керамика, ничем не отличаются от более ранних кара-абызских погребений. Но убаларский вариант кара-абызской культуры сложился не ранее конца II в. до н.э. на южных памятниках и прекратил свое существование со всей кара-абызской культурой в конце II в. н.э. Истоки убаларской керамики она видела в результате взаимодействия культуры кара-абызских и гафурийских племен в южной части кара-абызской территории. С III в. н.э. появляются племена имендьяшевского типа, которые сложились в основном на базе «убаларского варианта кара-абызской культуры» (Матвеева, 1973, с. 249, 252).

Сравнение курганной и грунтовой частей Шиповского могильника, раскопанного в 1970-е гг., позволило А.Х. Пшеничнюку определить его конечную дату – не ранее конца III в. н. э. Он сравнил материалы Охлебининского могильника и Шиповских грунтовых погребений. Оказалось, что в Шипово совершенно нет кольцевых и рамчатых бронзовых пряжек с неподвижным крючком, характерных для ранних погребений II группы Охлебининского могильника, датирующихся примерно концом II–I вв. до н. э. Поясные дисковидные бляхи из Шипово, как правило, небольших размеров, почти все имеют отверстия в центре, что характерно для поздних комплексов Охлебининского могильника. В мужских погребениях Шиповского могильника ни в одном случае не встречены пластинчатые прямоугольные поясные пряжки, характерные для ранних погребений из Охлебининского могильника. Исходя из этого, начальной датой появления Шиповских грунтовых погребений автор стал считать конец I в. до н. э. – I в. н. э., всю грунтовую часть могильника он датирует I–III вв. н. э. (Пшеничнюк, 1976).

Таким образом, А.Х. Пшеничнюк в 1960–1980-е гг. был единственным исследова-

телем погребальных памятников кара-абызского населения, анализируя которые автор приходит к выводу о существовании на правом берегу р. Белой в эпоху раннего железа самостоятельной кара-абызской культуры, сформировавшейся на основе местного, ананьинского, компонента и пришлого, гафурийского («сарматоидного»).

Полноценное и систематическое исследование археологических памятников Уфимского района началось только в 1959 г. В это время сразу два разведочных отряда Башкирской археологической экспедиции ИИМК АН СССР под руководством А.П. Шокурова и Г.Н. Матюшина проводили обследование левого берега р. Белой и правобережья р. Дема. Отряд Г.Н. Матюшина работал в левобережье р. Белой, между населенными пунктами Романовка и Миловка.

В результате археологических работ разведочного отряда Башкирской археологической экспедиции ИИМК АН СССР под руководством Г.Н. Матюшина в окрестностях д. Романовки в окрестностях д. Миловка выявлено 4 поселения кара-абызской культуры (Матюшин, 1962, с. 63).

Противником теории А.Х. Пшеничнюка выступил Н.А. Мажитов, рассматривающий кара-абызскую культуру как вариант пьяноборской (Мажитов, 1968, с. 59). Погребения Ново-Уфимского могильника⁴, исследованные им в 1961–1962 гг., отнесены также к пьяноборской культуре (Мажитов, 1968, табл. 35, с. 156). Он связывал керамику гафурийского типа (сарматскую) с абашеевской керамикой эпохи бронзы (Мажитов, 1968, с. 58). М.А. Мажитов, как и В.Ф. Генинг, высказывался о существовании некоторых кара-абызских поселений и в постананьинское время (Мажитов, 1968, с. 59; Генинг, 1961, с. 27).

А.Х. Халиков придерживался своей теории о последующем развитии кара-абызской культуры: он считал, что в результате движения сарматских и зауральских племен население «бельских районов пьяноборской культуры» (кара-абызская культура) в конце II – начале III в. до н.э. «было вынуждено покинуть свою родину и уйти далеко на Запад в Сурско-Окское междуречье правобережья

⁴ В отчете Н.А. Мажитова эти погребения объединены в Галановский могильник, который является частью Ново-Уфимского могильника (Мажитов, 1961).

Средней Белой» (Халиков, 1962, с. 20, 136). Данный вывод пока никак не подтвержден.

В 1980-е гг. В.Ф. Генинг меняет свое мнение по вопросу этногенеза кара-абызских памятников. Им была предпринята попытка комплексного анализа памятников Западного Приуралья, среди которых исследователем выделены гафурийско-убаларская и кара-абызская культуры. Автор, считая гафурийско-убаларскую культуру отдельной археологической культурой, отделяет на основе статистического анализа погребения из Охлебининского и Шиповского могильников, рассматривая их отдельно (Генинг, 1988). Несомненной заслугой В.Ф. Генинга является указание на различие погребального обряда и инвентаря комплексов как в отдельных могильниках, так и между могильниками изучаемого населения.

Подтвердили эту точку зрения и антропологические исследования С.Г. Ефимовой, которая сравнила краниологические серии черепов из кара-абызских (Биктимировский, Охлебининский и Шиповский), раннеананьинских (Маклашеевский, II Полянский) и ананьинских (Луговской, Гулькинский и Тетюшский) могильников. Исследователь пришла к очень интересным выводам: выборки черепов из Биктимировского могильника отличаются от черепов из Охлебининского и Шиповского могильников. Общее же сравнение краниологических серий пьяноборской и кара-абызской культур показывает, что они генетически связаны друг с другом и с предшествующей им ананьинской культурой. Ядро же ананьинской культуры составило местное население европеоидного типа (Ефимова, 1991, с. 16).

Кости животных из Охлебининского могильника были проанализированы А.Г. Петренко, которые по мнению исследователя представлены остатками мелкого рогатого скота (овцы и свиней) и зайца. В основном в погребениях найдены задняя конечность барана и свиньи, либо только барана. В трех погребениях встречены интересные сочетания: один астрагал барана и большеберцовая кость зайца, либо один астрагал свиньи и кость зайца (Петренко, 1971, с. 114–115). При этом, в более поздней своей работе, автор отмечает, что для погребений IV–II вв. до н.э. характерно положение берцовых костей овцы и зайца, для I–II вв. до н.э. – свиней и костей овец (с преобладанием последних),

для II–III вв. н.э. – свиней и овец (с преобладанием первых). В двух погребениях найдены кости лошади. Сочетание наличия костей свиньи и овцы А.Г. Петренко объясняет процесс слияния различных групп населения – населения ведущего подвижный образ жизни и более оседлый (Петренко, 1988, с. 12).

Новым веянием в вопросе происхождения кара-абызской культуры стала работа В.А. Иванова, в которой впервые отмечается усиление связей населения кара-абызской культуры с востоком (Западная и Южная Сибирь) в IV–III вв. до н. э., проявившееся в появлении набора отдельных украшений костюма (подвески в виде скифского лука, подвески в виде котла, поясные зооморфные бляхи и пряжки) (Иванов В.А., 1980, с. 79). Но еще ранее В.А. Иванов в своей диссертации пишет, что приход в IV в. до н.э. на правобережье Средней Белой «племен с керамикой «гафурийского» типа повлек за собой полное прекращение функционирования поселений ранних кара-абызцев (потомков пришлого нижнекамского населения), но, и, возможно, явился причиной сдвига части кара-абызцев вниз по р. Белая. В результате чего к северо-западу от устья р. Сим формируется группа памятников северного или позднего варианта кара-абызской культуры (Дудкино, Кара-Абыз, Биктимирово и др.), а также юго-восточная часть территории оказывается занятой носителями керамики «гафурийского» типа, на базе которой в конце I тыс. н.э. складываются памятники так называемого «убаларского» типа» (Иванов, 1978б, с. 140). Таким образом, автор, как и В.Ф. Генинг разделяет памятники гафурийского типа и собственно кара-абызской культуры.

В 1990-е гг. А.Х. Пшеничнюк пересматривает выделенные им ранее хронологические периоды развития кара-абызской культуры. Он обращает внимание на IV этап, датируемый II–III вв. н. э. Анализируя материалы Охлебининского могильника из раскопок 1980–1982 гг., автор подробно распределяет погребальный инвентарь по четырем хронологическим группам (Пшеничнюк, 1993). Анализ глиняной посуды Охлебининского могильника подтвердил мнение А.Х. Пшеничнюка о том, что в сложении кара-абызской культуры на раннем этапе развития доминирующими были пришлые гафурийские племена, связываемые им с кочевниками Южного Урала (Пшеничнюк, 2004, с. 191).

Т.И. Останина отмечает, что население кара-абызской культуры, вследствие демографического фактора (перенаселение), несколько раз продвигалось к северу, в низовье р. Беля, туда, где в более раннее время проживало пьяноборское население, а затем будет проживать мзунинское – их потомки, т.е. при вторичном передвижении кара-абызцы встретили родственное себе население, ранее пришедшее сюда и ассимилировавшееся с пьяноборским (Останина, 1997, с. 167).

По мнению Б.Б. Агеева, одним из компонентов в сложении пьяноборской культуры явилось раннекара-абызское население центральной Башкирии (Генинг, 1992, с. 104).

В последние двадцать лет в научной среде возрос интерес к памятникам кара-абызской культуры в связи с накоплением источниковой базы, начинается новый этап в развитии историографии – осмысление массива накопленных источников. В 2003 г. В.В. Овсянников и А.Ф. Яминов опубликовали результаты раскопок Уфимского могильника, проводившихся В.В. Гольмстен в 1911–12 гг., с подробным описанием инвентаря. Авторы сравнили материалы погребальных комплексов с материалами самого позднего ананьинского (Зуевский), самого раннего пьяноборского (Уяндыкский I) и кара-абызского (Биктимировский I) могильников. Они выяснили, что погребальный обряд и инвентарь Уфимского могильника более близок обряду, прослеживаемому в памятниках пьяноборской и кара-абызской культурах, и отнесли его к начальной стадии кара-абызской культуры (Овсянников, 2003).

В.А. Иванов, изучая наборные пояса оседлого населения Урало-Поволжья эпохи раннего железа, приходит к выводу, что они для оседлого населения Волго-Камья (в том числе и для кара-абызцев) не являются исконными, а выступают как результат культурного влияния извне, со стороны скифо-кавказского и скифо-сибирского мира (Иванов, 2000). В.А. Иванов также считал, что в VI в. до н.э. в бассейн р. Белая передвинулись нижекамские племена, образовавшие «бельский» вариант ананьинской культуры, где они находились в условиях относительной изоляции (Иванов, 1982, с. 74).

В.Н. Марков в свою очередь указывает, что памятники, являющиеся промежуточным звеном между курмантаусскими и кара-абызскими, нет необходимости выделять в особый «бельский» вариант ананьинской культуры и

следует рассматривать как раннекара-абызские, к которым относятся Старший Шиповский могильник и могильник по ул. Тракторной, где еще сохраняются бронзовые кельты с линзовидным сечением втулки, свойственные для круга памятников Волго-Камья, предшествовавших по возрасту шнуровой керамике (Марков, 2007, с. 61; 1994, с. 82).

В.А. Иванов с соавторами в обобщающей работе, посвященной уграм Предуралья, и в более поздних работах «бельский» вариант ананьинской керамики отождествляет с раннекара-абызской и определяет время ее появления на Средней Белой V–IV в. до н.э. из низовьев Камы. Он считает, что нижекамские комплексы как и раннекара-абызская керамика не имеют генетических корней ни в предыдущей курмантаусской, ни в ямочно-шнуровой раннеананьинской (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 53). В этнокультурном контексте соавторы так видят ситуацию: на рубеже V–IV в. до н.э. в бассейн р. Белая, «спорадически заселенный тогда немногочисленными группами курмантаусского населения», аозинские и постмаклашеевские племена, а в IV в. до н.э. в их этнокультурную среду вторгаются инородные племена – носители керамики гафурийского типа. Гафурийцы связаны с племенами саргатско-гороховского этнокультурного круга лесостепного Зауралья и юга Западной Сибири (угры или сармато-угры) (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 54). Под нажимом «гафурийцев» ранние «кара-абызцы» (волжско-финская группа) (Иванов, 2010а, с. 215) перемещаются вниз по течению р. Белая. При этом, явной генетической связи между «кара-абызцами» и «гафурийцами» не прослеживается и считать последних генетической основой для кара-абызской культуры нет оснований (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 60). «Охлебининский могильник по мнению автора, демонстрирует процесс этнической метисации волжско-финского (раннекара-абызского) населения с пришлым, очевидно, сармато-угорским» (Иванов, 2010а, с. 216). Но в целом, В.А. Иванов придерживается мнения о единой кара-абызской культуре, где разнородность материала отражает разные этапы ее развития (Иванов, 2010а, с. 214).

В одной из своих фундаментальных работ, автор указывает, что на территории среднего течения р. Белой с большей долей вероятности можно говорить о наличии в Приуралье одного союза, состоявших из

довольно крупных пьяноборских и кара-абызских племен (Иванов, 1984, с. 75).

По мнению В.А. Иванова, роль ранних кочевников (савроматов, сарматов) в этно- и культурогенезе лесостепного населения предшественниками была явно преувеличена. Археологические источники указывают на то, что в этих процессах решающую роль играли угорские племена Зауралья и Западной Сибири. «Гафурийско-кара-абызская ксеня», вероятнее всего, формировалась при самом минимальном участии сарматов. Скорее всего, они вообще в этом процессе не участвовали, подобно тому как в Зауральской лесостепи савроматы-сарматы, хотя и контактировали с носителями иткульской культуры, но на таком уровне, что их взаимоотношения «не затрагивая сферу духовной культуры, ограничивались лишь постоянными хозяйственными контактами, в которые вступали отдельные, прежде всего, элитарные, группы населения» (Иванов, 2017, с. 51). При всей красоте предлагаемых исследователями схем контактов между оседлым и кочевым населением Южного Приуралья в раннем железном веке у них есть один недостаток – отсутствие эмпирической статистики. В качестве иллюстраций подобных контактов приводятся «эксклюзивные» для памятников лесостепной полосы вещи, имеющие аналоги или прототипы в кочевнических древностях (Там же).

А.А. Чижевский предлагает включать ранние памятники кара-абызской культуры в состав постмакляшевской культуры на позднем этапе ее развития, объясняя это тем, что на них керамика постмакляшевского облика преобладает над гафурийской (раннесарматской) (Чижевский, 2013, с. 81).

В коллективной монографии, посвященной Шиповскому могильнику, были опубликованы материалы раскопок 1989–1994 гг. (Овсянников и др., 2007). В работе представлен анализ инвентаря, типологизированы принадлежности костюма и украшения. Авторы предлагают свою версию формирования и развития кара-абызской культуры. Они отмечают присутствие не только гафурийского и ананьинского компонентов в материалах Шиповского могильника, но и пришлых, интегрированных в ананьинскую среду компонентов (иткульский и кочевнический раннесакский) (Овсянников и др., 2007, с. 80–81). Кроме всего прочего, исследователи обращают внимание на присутствие в поздних

погребениях Шиповского могильника раннемазунических элементов убранства (в первую очередь височные подвески) (Овсянников и др., 2007, с. 84).

После работы В.А. Иванова (Иванов, 1980) только в последние несколько лет исследователи обратили свое внимание на своеобразии предметов кара-абызской культуры, выполненных в зверином стиле. Семантика некоторых украшений Шиповского могильника была рассмотрена К.И. Корепановым и М.Ф. Обыденновым (Корепанов и др., 2003), а анализ отдельных образов звериного стиля был сделан В.В. Овсянниковым и Н.С. Савельевым (Овсянников, 2006а; Савельев, 2008б), зооморфные металлические крючки и другая металлопластика рассмотрены в работах В.И. Гуляева (Гуляев, 1969, 2010; 2016, с. 55–57).

Н.С. Савельев, изучая отдельные образы звериного стиля в лесостепи Южного Приуралья (Савельев, 2008а; 2008б), приходит к выводу, что гафурийский компонент сформировался на основе носителей прохоровской культуры, осевших в лесостепи Приуралья (продвижение шло по так называемому «трансуральскому пути» напрямую из Зауралья, через горные долины, соединяющие в единую территориальную систему верховья Миасса, островную Месягутовскую лесостепь и районы около устья р. Сим (Савельев, 2001; Савельев, 2007а), а также оставляет открытым вопрос присутствия в кара-абызской среде иных (южно-западно-сибирских и др.) этнокультурных компонентов (Савельев, 2008б, с. 134). В данном случае важна сама постановка существующей проблемы, т.к. зооморфные элементы убранства костюма, как отмечал еще В.А. Иванов (Иванов, 1980), не имеют аналогий в прохоровской культуре. Кроме того, Н.С. Савельев проанализировал материал гафурийского комплекса Шиповского могильника и керамику Биктимировского городища (Савельев, 2010; Савельев, 2011а) и отметил наличие брачных связей между кара-абызским населением и кочевниками прохоровской культуры в IV–III вв. до н. э. (Савельев, 2010б, с. 319). Биктимировское городище является самой дальней периферией того ареала, где фиксируется прямое гафурийское влияние. Прямой перенос кочевнических традиций (в виде оседания группы кочевников раннего этапа прохоровской культуры) в лесостепь произошел около середины IV в. до н.э., что привело к формированию

смешанного культурного образования – кара-абызской культуры (Савельев, 2011а, с. 65). При анализе материалов Шиповского могильника автор указывает, что на материалах этого памятника фиксируются значительные различия в особенностях расселения «раннего» (кара-абызско-гафурийского) и «позднего» (кара-абызско-убаларского-имендяшевского) населения (Савельев, 2009б, с. 140).

Изучение импортной керамики кара-абызской культуры из Шиповского могильника позволило Н.С. Савельеву прийти к выводу, что появление этого типа керамики связано с кочевниками, оставившими Старо-Киишкский и Бишунгаровский курганные могильники в III в. до н.э., характер этих связей определен как брачные и торговые отношения (Савельев, 2009а, с. 120). Раннекара-абызская керамика определена автором как ямочно-насечковая гребенчатая керамика, именно она стала впоследствии основой сложения кара-абызских комплексов (Савельев, 2011а; 2014а, с. 197).

Материалы летника кара-абызской культуры в приустьевой части р. Уфа Зинино-1, дали авторам работ возможность утверждать, что убалар – это вариант кара-абызской культуры, сформировавшийся на ее южной периферии не позже рубежа IV–III вв. до н.э. под воздействием пришлых кочевников и постепенно распространившийся на более северные территории. Смещение «чистых» кара-абызских, гафурийских и убаларских керамических комплексов свидетельствует об идущем процессе постепенной ассимиляции (Бахшиев, Савельев, 2013, с. 112–113).

В.В. Овсянников в одной из своих работ предположил, что IV этап развития кара-абызской культуры, выделенный ранее А.Х. Пшеничноком, датируется II – началом IV вв. н. э. (Овсянников, 2006б), а позже разделил его на два периода – II–III вв. н. э., III – начало IV вв. н. э., подчеркивая, что наиболее резкие различия в инвентаре грунтовой части Шиповского могильника наблюдаются с III в. н. э. и продолжают вплоть до IV в. н. э. (Овсянников, 2006в). Анализируя Шиповскую III группу курганов, он выделяет в зооморфной кара-абызской пластике 5 групп, объединенных по степени близости стилевых, хронологических и культурных особенностей (Овсянников, 2006а). Автор связывает появление зооморфных образов

с гафурийским компонентом кара-абызской культуры (Овсянников, 2006а, с. 178).

Проанализировав керамику с селища Воронки, В.В. Овсянников пишет, что раннекара-абызская керамика окончательно оформилась в результате контактов постмаклашевского населения, продвигавшегося вверх по Белой во второй половине V – середине V в. до н.э. и более ранних миграционных волн (носители культуры курмантау и сложнотшнуровой, или, раннеананьинской, керамики) (Овсянников, 2014а, с. 311).

В 2018 г. В.В. Овсянниковым, Н.С. Савельевым, Р.Р. Сулеймановым и Р.Г. Курмановым опубликованы серии статей, посвященные экологической ситуации в Южном Приуралье в эпоху раннего железа (Савельев и др., 20018; Овсянников, 2018а; 2018б).

В многотомном труде «История Башкирского народа» вопрос этногенеза кара-абызской культуры решен следующим образом: в результате взаимодействия различных по происхождению, уровню хозяйственного и социального развития групп населения в Центральном Башкортостане складывается уникальная культура, впитавшая как традиции лесного оседлого населения, так и южного полукочевого и кочевого. В первую очередь это отразилось в разнообразии керамического материала на кара-абызских памятниках, обилии южных импортов и подражаний, различии топографии памятников и в погребальном обряде (Овсянников, 2009б, с. 245). Кроме того, носители кара-абызской культуры, по мнению автора, с большей долей вероятности могут являться одним из компонентов, на основе которого сформировался башкирский этнос, отрицая при этом поддерживаемый многими исследователями тезис о формировании мазунинских древностей на основе пьяноборской и кара-абызской культур (Овсянников, 2009б).

В материалах IV(XX) Всероссийского археологического съезда В.В. Овсянников приводит свою периодизацию культурно-исторических процессов, связанных с образованием, развитием и распадом кара-абызской культуры. им выделено шесть этапов: предкара-абызский (VI–V вв. до н.э.); раннекара-абызский (V–IV вв. до н.э.); кара-абызский А (IV–III вв. до н.э.); кара-абызский В (III–II вв. до н.э.); кара-абызский С (II в. до н.э. – II в. н.э.) и позднекара-абызский (III–IV вв. н.э.) (Овсянников, 2014б).

Р.Д. Голдина, как и В.Ф. Генин, относит кара-абызскую культуру к пьяноборской общности – древнеудмуртскому объединению III в. до н.э. – V в. н.э., ссылаясь в своей работе на хронологию, предложенную А.Х. Пшеничноком, который датировал памятники кара-абызской культуры с IV в. до н.э. (Голдина, 2004, с. 230, 236). В продолжение ижевской археологической школы, А.А. Красноперов, пересматривает датировку погребений из Уфимского могильника с височными восьмерковидными подвесками и значительно омолаживает начало функционирования пьяноборской культуры, а в след за этим и памятников кара-абызской культуры (Красноперов, 2014, с. 344). Но, на наш взгляд, если и для пьяноборской культуры, эта датировка применима, то для кара-абызской нет, так как о «запаздывании» оружия и других вещей, которые имеют аналогии в кочевнических древностях, не может идти и речи в виду тесных контактов соседствующих с ними носителей кара-абызской культуры.

Автор также внесла свой вклад в проблему формирования кара-абызской культуры. Проанализировав элементы убранства костюма рассматриваемого населения, С.Л. Воробьева пришла к выводу, что убранство костюма кара-абызского населения сформировалось на основе трех компонентов: ананьинского, гафурийского и восточного. К гафурийскому компоненту относятся: гривны в полтора оборота, височные восьмерковидные подвески, поясные бронзовые крючки с изображением зверя, пряжки с изображением оленей, лировидные подвески и котловидные подвески. Ананьинский компонент: колоколовидные подвески, нашивные и умбоновидные бляшки, трапециевидные подвески. Восточный компонент: пряжки со «сценами терзания» и с треугольниками, поясной набор, состоящий из дисковидных блях и накладок в виде голов грифонов, обоймы с вырезом на обороте. Элементы убранства, присущие ананьинскому, гафурийскому и восточному компонентам появляются в костюме кара-абызского населения в IV–II вв. до н.э. При этом, восточный компонент связан с кочевниками, оставившими памятники круга Филипповских курганов, с одной стороны, и центральноазиатских некрополей (курганы Исык, Почта-3), с другой (Воробьева, 2012а; Воробьева, 2011г; 2011д). Тезис о «восточном

импульсе» был поддержан В.Н.Васильевым (Васильев, 2014).

Кроме того, был проанализирован видовой состав животных по данным остеологического материала поселений кара-абызской культуры и введены в оборот материалы раскопок Курмантаевского городища 2013 г. На основе этих данных показана неоднородность хозяйства носителей кара-абызской культуры: на памятниках, где преобладает гафурийская керамика, население занималось скотоводством, а на памятниках с преобладанием кара-абызской керамики, население вело более оседлый образ жизни (Воробьева, 2017б).

Таким образом, в 1990–2000-е гг. исследователи не утратили интерес к вопросу происхождения кара-абызской культуры. В ходе неоднократных разведочных выездов открыт ряд новых поселений и проведены раскопки как новых, так и ранее известных памятников. В.В. Овсянниковым проводилось обследование и мониторинг состояния ранее выявленных памятников кара-абызской культуры на территории Уфимского, Иглинского и Гафурийского районов в 1988, 1991 и 2005, 2011 гг. А обследование и изучение памятников, расположенных у дер. Романовка, Миловка и Ветошниково в 2010 г. Провела Я.В. Рафикова. В.В. Овсянниковым исследовались Нагаевский, Ново-Уфимский, Охлебининский, Шиповский, и Биктимировский могильники (Овсянников, 1995а; 2004а; 2005; 2006в; 2008; 2009г), а Н.С. Савельевым открыт и частично раскопан могильник Кара-Абыз-2 (Савельев, 2010, 2011), а также могильник Акбердино. Памятники Гафурийского района изучаются С.Л. Воробьевой, открывшей около стоянки им. М.И. Касьянова металлургическую площадку «Курмантау-8/9». Каждый год источниковая база пополняется новыми открытыми селищами кара-абызской культуры.

Антрополог А.И. Нечвалода сравнил полученные материалы из раскопок могильника Кара-Абыз-2 с сериями черепов из Шипово, Охлебинино и Биктимирово, что показало своеобразие Биктимировской и Кара-Абыз II серий, но он также приходит к выводу, что это речь не идет о формировании различных антропологических массивов (Нечвалода, 2012, с. 250; 2016).

В.В. Кондрашин провел единственный металлографический анализ железных изде-

лий кара-абызской культуры из Охлебининского могильника. Его результаты показали, что исследуемые кинжалы и мечи (а возможно и другие предметы вооружения) были не местного происхождения, в отличии от ножа, изготовленного достаточно простым способом (Кондрашин, 2009, с. 107). Но так как исследование не было продолжено, то сложно говорить об объективности данного вывода.

Морфологический анализ керамического материала из раскопок И.М. Акбулатова на Биктимировском городище (100 сосудов) был проведен С.Н. Садовниковым, который показал, что вся керамика распадется на 4 типа (Садовников, 2006, с. 117).

М.Г. Атаманов-Эграпи считает, что кара-абызские племена стали предками древнеудмуртского населения племенного объединения калмез (Атаманов-Эграпи, 2010, с. 442–443)

В связи с неоднородностью населения, оставившего памятники кара-абызской культуры на раннем этапе ее развития, возникают вопросы, связанные с определением основного типа хозяйства этого населения. Так, в недавно вышедшей работе А.С. Проценко и Р.М. Сатаева обсуждается вопрос об особенностях хозяйства носителей, оставивших памятники кара-абызской культуры, где обосновывается наличие скотоводства у населения, жившего на городище Кара-Абыз в эпоху раннего железа (на анализе материала работ 2015 г.) (Проценко, Сатаев, 2016). В то же время, А.С. Проценко и Р.М. Сатаев пишут о том, что «о реальном преобладании в рационе масса мелкого рогатого скота над крупным можно говорить лишь тогда, когда количество первого больше чем второго, не менее, чем в 5–6 раз (чего в обсуждаемых остеологических коллекциях не наблюдается)» (Проценко, Сатаев, 2016, с. 128). Еще в работе 1959 г. Г.В. Юсупова по материалам раскопок поселений Гафурийского района Республики Башкортостан говорится о том, что «характер хозяйства обитателей городищ (кара-абызской культуры – авт.) (преобладание скотоводства) существенно отличает эти поселения от ананьинских» (Юсупов, 1959, с. 87). В 1973 г. А.Х. Пшеничнюк также выделил скотоводство как один из видов занятий кара-абызцев (Пшеничнюк, 1973, с. 210–213). При этом, наличие земледелия у кара-абызского населения никак не подтверждается – нет четко определенных орудий труда, нет резуль-

татов споро-пыльцевого анализа, подтверждающего выращивание тех или иных культур.

С пополнением источниковой базы отдельные проблемы, связанные с изучением кара-абызской культуры, приобрели более острый характер. Около 50% материалов на данный момент не опубликовано (Ново-Уфимский/Галановский, Кара-Абыз-2, 83% погр. Охлебининского и 10% погр. Шиповского могильников). Кроме того, основной массив антропологического материала до сих пор остается не изученным⁵.

Не решенным остался вопрос и происхождения культуры. Исследователи расходятся как в правописании названия («кара-абызская» или «караабызская»⁶), так и в том, стоит ли выделять эту культуру в отдельную (А.В. Шмидт, К.Ф. Лагодовская, А.Х. Пшеничнюк, Н.С. Савельев, В.В. Овсянников, С.Л. Воробьева), или это часть ананьинской (А.В. Збруева) или пьяноборской общности (Н.А. Мажитов, В.Ф. Генинг, Р.Д. Голдина). По мнению ряда исследователей, она, с одной стороны, сложилась на основе местного лесостепного населения (ананьинская культура), с другой – подвергалась воздействию со стороны кочевнического населения – носителей гафурийского комплекса материальной культуры (Пшеничнюк, 1976, с. 126; Савельев, 2008, с. 69).

Но вопрос о происхождении гафурийского комплекса решается по-разному: К.Ф. Смирнов, М.Г. Мошкова, М.Х. Садыкова, Н.С. Савельев связывают появление гафурийской керамики с проникновением на правобережье Средней Белой носителей раннепрохоровской культуры (Смирнов, 1964, с. 272; Мошкова, 1963, с. 17, рис. 1; Садыкова, 1965, с. 18). Первоначально эта точка зрения поддерживалась А.Х. Пшеничнюком (Пшеничнюк, 1964). Позже им была высказано предположение о «зауральской» (иткульская культура, воробьевский и гороховский типы) прародине гафурийской керамики (Пшенич-

⁵ Антропологом А.А. Вильдановым был проведен только половозрастной анализ части черепов, происходящих из Шиповского могильника (Овсянников и др., 2007, с. 20).

⁶ Правильным с точки зрения филологии является название «кара-абызская» культура, так как она берет название от одноименного памятника «городище Кара-Абыз», а то в свою очередь названо так по топографическому наименованию.

нюк, 1976, с. 130). Г.И. Матвеева и А.Х. Пшеничнюк причисли убаларские памятники к кара-абызской культуре (Матвеева, 1973, с. 249; Пшеничнюк, 1976, с. 126), в то время как В.Ф. Генинг и В.А. Иванов отделили от кара-абызской культуры памятники гафурийско-убаларского типа (Генинг, 1988, с. 71). Разнообразие точек зрения на вопрос о происхождении кара-абызской культуры говорит о том, что он до сих пор остается открытым.

Дискуссионной является и проблема хронологического деления кара-абызской культуры. Первоначально А.Х. Пшеничнюк выделил всего четыре этапа в историческом развитии изучаемого населения: IV–III вв. до н. э., III–II вв. до н. э., II в. до н. э. – II в. н. э., II–III вв. н. э. (Пшеничнюк, 1993, с. 32–61). В.В. Овсянников же, анализируя материалы Шиповского грунтового могильника, предположил, что IV этап датируется II–IV вв. н. э. (Овсянников, 2006б, с. 81–87), который впоследствии он разделил на IV и V периоды, подчеркнув, что наиболее резкие различия в инвентаре грунтовой части Шиповского могильника наблюдаются с III в. н. э. и продолжаются вплоть до IV в. н. э. (Овсянников, 2006в, с. 88–93). В 2009 г. В.В. Овсянников предложил рассматривать кара-абызскую культуру с V в. до н. э., т. е. с момента миграции в Приуралье разнородных групп ананьинцев из Среднего Поволжья и Нижнего Приуралья (Овсянников, 2009, с. 224).

Эти дискуссии связаны, прежде всего, с тем, что собственно «раннекара-абызская»

(носители ямочно-гребенчатой и шнуровой керамики) и «кара-абызская» керамика в погребениях отсутствуют, а имеется лишь керамика гафурийского (в Шиповском могильнике преимущественно) и убаларского типа (в Охлебининском могильнике). На данный момент в Гафурийском районе не найден ни один погребальный памятник. Ни один погребальный памятник кара-абызской культуры не раскопан полностью, а большая часть погребального материала не опубликована. Кроме того отсутствует анализ массового антропологического материала.

Что касается вопроса выделения самостоятельной кара-абызской культуры, то тут необходимо определиться с понятием «археологическая культура». В классическом ее варианте («Археологическая культура – совокупность материальных памятников, которые относятся к одной территории и эпохе и имеют общие черты») памятники правобережья р. Белой (V в. до н. э. – IV в. н. э.) относятся к кара-абызской археологической культуре, где на ранней стадии ее развития доминирующим компонентом были носители ямочно-насечково-гребенчатой керамики (раннекара-абызская), при постоянных контактах этой группы населения с кочевниками (носителями керамики гафурийского типа) происходит достаточно быстрая трансформация материальной культуры. При этом, на разных памятниках и на разных стадиях развития население взаимодействовало со своими ближайшими соседями, что выразилось в кажущейся неоднородности материального комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БФАН СССР, 1992. 140 с.
- Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 263 с.
- Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968. 119 с.
- Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство кочевников Азии. М.: Искусство, 1978. 131 с.
- Атаманов-Эгэпи М.Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2010. 576 с.
- Ахмеров Р.Б. Древние погребения в г. Уфе // КСИИМК. М., 1949. Вып. 25. С. 113–117.
- Ахмеров Р.Б. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени // КСИИМК. Вып. XLVIII. 1952. С. 25–35.
- Ахмеров Р.Б. Новый Уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени (по данным исследований 1952–1956 годы) // СА. 1959. № 1. С. 156–157.
- Бахшиев И.И., Савельев Н.С. К изучению некоторых вопросов этнокультурной динамики и хозяйства населения лесостепи Южного Приуралья эпохи раннего железа (по материалам селища Зинино-1) // УАВ. 2013. №13. С. 104–115.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние век. Монография. Уфа: БГПУ, 2009. 278 с.

Васильев В.Н. К вопросу об археологическом содержании понятия «восточный импульс» в материальной культуре кара-абыза // Сарматы и внешний мир: материалы VIII всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 14 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН: Наследие, 2014. С. 40–47.

Васюткин С.М. Исследования пьяноборских могильников в Западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / ред. В. А. Иванова, А. Х. Пшеничнюка. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 125–144.

Вечтомов А.В. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // УЗ ПГУ / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь. 1967, № 148, с. 133–155.

Волкова Е.В. Место кара-абызских материалов среди культур раннего железного века Приуралья: историографический обзор // Вестник ТГПУ. 2011. № 4(26). С. 121–125.

Воробьева С.Л. Типология поясных накладок с изображением грифона эпохи раннего железа // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2009. С. 84–90.

Воробьева С.Л. Происхождение и время появления в лесостепи Приуралья поясных накладок с изображением голов грифонов // Проблемы истории, филологии и культуры. 2010а. № 2 (28). С. 52–60.

Воробьева С.Л. Использование статистических методов для разработки типологии предметов (на примере изучения поясных дисковидных блях костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, археологические культуры, хронология. Уфа: БГПУ, 2010б. С. 194–198.

Воробьева С.Л. Поясные накладки с изображением грифона: к вопросу о происхождении и времени появления в лесостепи Приуралья // УАВ. 2010в. Вып. 10. С. 56–63.

Воробьева С.Л. К вопросу об особенностях восьмеркообразных височных подвесок кара-абызского населения Южного Приуралья эпохи раннего железа // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2010г. С. 48–51.

Воробьева С.Л. К вопросу о происхождении колоколовидных и котловидных подвесок кара-абызской культуры // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы V Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа, 2011а. С. 44–49.

Воробьева С.Л. К вопросу о типологии и происхождении браслетов кара-абызской культуры // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011б. Вып. 46. №22(237). С. 5–9.

Воробьева С.Л. Гривны кара-абызского населения эпохи раннего железа (к вопросу о типологии и происхождении) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011в. №2. С. 108–115.

Воробьева С.Л. «Восточный импульс» в кара-абызской культуре // Материалы региональной научной конференции «Археология в БашГУ: итоги и перспективы», посвященной 50-летию археологической экспедиции БГУ. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011г. С. 53–60.

Воробьева С.Л. «Восточный импульс» в кара-абызской культуре // Материалы региональной научной конференции, посвященной 50-летию археологической экспедиции БашГУ. (г. Уфа, 25 ноября 2011 г.) / Отв. ред. А.Н. Султанова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011д. С.40–48.

Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2012а. 24 с.

Воробьева С.Л. Шейно-нагрудные украшения кара-абызской культуры // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа, 2012б. С. 26–30.

Воробьева С.Л. Височные подвески кара-абызской культуры эпохи раннего железа (к вопросу о типологии и происхождении) // УАВ. 2013а. Вып. 13. С. 91–103.

Воробьева С.Л. Историко-культурный потенциал археологического микрорайона горы Курмантау (по итогам работ 2012 и 2013 гг.) // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2013б. С. 52–60.

Воробьева С.Л. Селище Курмантау – металлургический комплекс эпох раннего железа // Международная полевая школа в Болгаре. Вып.1 / Отв. ред. А.Г. Ситдилов. Казань; Болгар: ИА АН РТ, 2014. С. 26–33.

Воробьева С.Л. Клинковое оружие эпохи раннего железа из фондов Национального музея Республики Башкортостан (случайные находки) // Черные металлы. Апрель. 2014а. С. 118–124.

Воробьева С.Л. Взаимоотношения населения кара-абызской культуры с кочевниками Южного Урала в IV–III вв. до н.э. // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г. / УАВ. Вып. 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014б. С. 54–65.

Воробьева С.Л. Ананьинский компонент кара-абызской культуры (по материалам костюмного комплекса) // Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 314–330.

Воробьева С.Л. Научный отчет о проведении разведочных археологических исследований в Гафуринском районе Республики Башкортостан по Открытому листу № 995 от 01.08.2013 г. / Национальный музей Республики Башкортостан. Уфа, 2014д. 237 с.

Воробьева С.Л. К вопросу о хронологии кара-абызской культуры (по материалам Охлебининского грунтового могильника) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск, 2015а. С. 208–221.

Воробьева С.Л. Памятники Гафуринского района Республики Башкортостан: кто виноват и что делать // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. 2015б. Вып. 1(2). С. 23.

Воробьева С.Л. Металлургический комплекс горы Курмантау эпохи раннего железа: результаты исследования 2012–2014 гг. // Тезисы Международной научной конференции «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики». 2017а. URL: <http://scythia-sarmatia.ru/воробьева-тезисы-иа-2017/>. Дата обращения 20.04.2019.

Воробьева С.Л. Хозяйство носителей кара-абызской археологической культуры эпохи раннего железа (по материалам поселенческих памятников IV–I вв. до н.э.) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Гос. исторический музей Южного Урала, 2017б. С. 31–37.

Воробьева С.Л. Результаты археологических исследований 2013 года на Курматовском городище эпохи раннего железа // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017в. № 4 (49). С. 101–113.

Воробьева С.Л. Металлургический комплекс горы Курмантау эпохи раннего железа: результаты исследования 2012–2014 гг. // Международная научная конференция «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики»: тезисы докладов / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2018а. С. 37–39.

Воробьева С.Л. Палинологическое исследование металлургической площадки эпохи поздней бронзы – раннего железа Курмантау-8/9 // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / Отв. ред. Э.В. Камалеев. Уфа: ИЭИ УФИЦ РАН, 2018б. С. 34–38.

Воробьева С.Л., Савельев Н.С. Разведочные работы в Гафуринском районе Башкортостана в 2012–2013 гг. // АО 2010–2013 гг. / Ред. Н.В. Лопатин, А.А. Масленников. М.: ИА РАН, 2015. С. 468–471.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегадинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) / ВАУ. Вып. 10. Свердловск, 1970. 224 с.

Генинг В.Ф. Проблемы изучения железного века Урала // ВАУ. Вып. 1 / Отв. ред В.Ф. Генинг. Свердловск, 1961. С. 23–47.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычкова Н.А. Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников) / Отв. ред. С.П. Пачкова. Киев.: Наук. думка, 1990. 304 с.

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.). М.: Наука, 1988. 240 с.

Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н. э.) // Археология и этнография Башкирии Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузев. Уфа, 1971. С. 44–54.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: УдГУ, 2004. 422 с.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: УдГУ, 1999. 464 с.

Гольмстен В.В. Могильник близ г. Уфы. Уфа, 1913. 30 с.

Гольмстен В.В. Отчет о раскопках Чертова городища в г. Уфе в 1910–1912 годы / Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 32. 43 л.

Гуляев В.И. Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время / МИА №151. М.: Наука, 1969. С. 109–127.

Гуляев В.И. Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: Каталог и описание. М.: ИА РАН, 2016. 104 с.

Гуляев В.И. Культ медведя у населения Среднего Дона в скифскую эпоху В.И. Гуляев // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, археологические культуры, хронология / Ред. Г.Т. Обыденнова и др. Уфа: БГПУ, 2010. С. 198–199.

Ефимова С.Г. К краниологии раннего железного века Волго-Камья // ВА. Вып. 67. 1991. С. 64–73.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: МГУ, 1991. 95 с.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / МИА. 1952. № 30. М.: Наука, 326 с.

Иванов В.А. Население нижней и средней Белой в ананьинскую эпоху. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Уфа, 1978, 20 с.

Иванов В.А. Население нижней и средней Белой в ананьинскую эпоху. Дисс... канд. ист. н-к. Уфа, 1978б. 148 с.

Иванов В.А. Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы Всесоюзной археологической конференции / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 74–84.

Иванов В.А. Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Под ред. В. А. Иванова, А. Х. Пшеничнюка. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 52–57.

Иванов В.А. Вооружение о военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука, 1984. 88 с.

Иванов В.А. Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1995. С. 52–77.

Иванов В.А. Наборные пояса оседлого населения Урало-Поволжья эпохи раннего железного века (к проблеме происхождения и семантики) // УАВ. Вып. 2. Уфа, 2000. С. 94–97.

Иванов В.А. Этнокультурная специфика населения Среднего течения р. Белой во второй половине I тыс. до н.э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР. Вып. 13 / Отв.ред. М. М. Герасимова, В. Ю. Малашев, М. Г. Мошкова. М.: Таус, 2010а. С. 207–217.

Иванов В.А. Очерк истории изучения памятников ананьинской эпохи в бассейне реки Белой // УАВ. 2010б. № 10. С. 12–21.

Иванов В.А. Археология сарматского влияния на культуру лесных племен Южного Урала: источники и их интерпретация // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Гос. исторический музей Южного Урала, 2017б. С. 50–55.

Иванов В.А., Заикина Н.А., Проценко А.С. Таш-Елгинский могильник // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди. Сборник научных статей. Вып. 3 / Отв. ред. Р.Р. Русланова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 58–68.

Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь: ПГПУ, 2006. 162 с.

Ищеригов П.Ф. На «Чертовом городище». Вниманию общества по изучению Башкирии // Красная Башкирия. 1929б. №220. С. 4.

Ищеригов П.Ф. Уфа в седой старине. Чертово городище // Красная Башкирия. 1929а. №182. С. 4.

Канторович А.Р. Сюжет стоящего/идущего оленя в восточноевропейском скифском зверином стиле и его реплики в искусстве «савроматской» и кара-абызской культур // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология Евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2009. С. 245–260.

Каюмов И.Х. Научный отчет о результатах инвентаризации памятников археологии в Гафурийском районе Республики Башкортостан в 2011 г. В 2 томах. Уфа, 2011. 43 с. / Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.

Кошневский Б.А. Итоги археологического изучения Башкирской АССР // Историко-археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов. Казань: НИИ КИМР, 1948. С. 161–170.

Кондрашин В.В. Предварительные результаты металлографического исследования кузнечного инвентря Охлебнинского могильника // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева / Отв. ред. А.Б. Юнусова. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009. С. 106–107.

Корепанов К.И., Обыденнов М.Ф., Овсянников В.В. Новые находки предметов древнего искусства в исследованиях археологов Башкортостана: кара-абызская культура. Уфа: Юрид. колледж, 2003. 30 с.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб: Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.

Котов В.Г. Каменные изделия с Шиповского городища кара-абызской культуры // УАВ. Вып. 9. 2009. С. 141–143.

Котов В.Г., Савельев Н.С. Промысловая стоянка «Ташмуруновский грот» в верховьях реки Белой // УАВ. 2003. Вып. 4. С. 124–147.

Лагадоская Е.Ф. Археологические памятники Башкирии от древнейших времен до наших дней // НА УНЦ РАН. 1943Ф. 3. оп. 3, 39. Д. 1.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 166 с.

Матвеева Г.И. Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тысячелетия н.э. // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971. С. 129–134.

Матвеева Г.И. Памятники железного века в бассейне р. Зилим // АЭБ. Т. V. Уфа, 1973. С. 244–252.

Матюшин Г.Н. Археологические исследования в окрестностях города Уфы // ВАУ. Вып.2. 1962. С. 58–64.

Могильников В.А. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э. // АЭБ. Уфа, 1971. Т. IV. С. 151–157

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н. э. В. А. Могильников. М.: Наука, 1997. 195 с.

Морозов Ю.А. Исследования Уфимского городища // УАВ. Вып. 2. Уфа: НМ РБ, 2000. С. 145–157.

Морозов Ю.А., Котов В.Г. Памятники археологии в зоне затопления Юмагузинского водохранилища // Экологические аспекты Юмагузинского водохранилища / Отв. ред. Э.З. Гареев, С.В. Куршаков. Уфа: Гилем, 2002. С. 14–18.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д. 1-10. М., 1963. 32 с.

Нечвалода А.И. Новые краниологические материалы кара-абызской культуры из могильника Караббыз II // Этнос. Общество. Цивилизация: III Кузеевские чтения Сборник материалов Всероссийской научной конференции ФГБУН «Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра Российской академии наук, (г. Уфа, 28 сентября 2012 г.) / Отв. ред. А.Б. Юнусова. Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2012. С. 249–251.

Нечвалода А.И. Палеоантропология кара-абызской культуры южного Приуралья // Тезисы XVII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий». 20–22 апреля 2016 г. Томск, Россия. URL: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/%D0%A2%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B_%D0%A2%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA_%D0%90_%D0%9D%D0%B5%D1%87%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%B0.pdf. Дата обращения 20.04.2019.

Нечвалода А.И. Череп ранних кочевников Южного Урала и Переволочанского курганного некрополя // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (г. Уфа 12–15 мая 2014 г.) / УАВ. Вып. 14 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014б. С. 157–167.

Нечвалода А.И., Воробьёва С.Л. Мужские и женские погребения носителей кара-абызской культуры по материалам Охлебнинского могильника: Антропологические данные и погребальный костюм // Мужской и женский мир в отражении археологии: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (г. Уфа, 19–22 ноября 2018 г.) / Отв. ред. Я.В. Рафикова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2018. С. 152–170.

Оборин В.А. Обсуждение докладов и сообщений по проблеме происхождения ананьинской культурной области и ее локальных вариантов // УЗ ПГУ. 1967. № 148. С 216–223.

Овсянников В.В. Нагаевские курганы В. В. Овсянников // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1. Уфа: МК РБ, 1995. С. 85–94.

Овсянников В.В. Научный отчет о раскопках Шиповского могильника и городища в 1994 г. Уфа, 1995а / Научный отчет УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2а. Д. 56. 49 л.

Овсянников В.В. Стилистические группы зооморфной пластики кара-абызской культуры В. В. Овсянников // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. СПб: Ист. факультет СПбГУ, 2004. С. 142–145.

Овсянников В.В. Альбом иллюстраций к научному отчету о полевых исследованиях, проведенных в Иглинском районе в 2003 г. Уфа, 2004а / Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1031. 51 л.

Овсянников В.В. Научный отчет об археологических работах в районах Иглинском районе и на территории г. Уфы РБ в 2005 году. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2005 / Научный архив ИИЯЛ УНЦ РАН. Ф.3, оп. 2, д.1037. 88 л.

Овсянников В.В. Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничука / Под. ред. Г.Т. Обьденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006а. С. 171–179.

Овсянников В.В. Этнокультурная ситуация в Среднем Прибелье в гунно-сарматский период (по материалам Шиповского могильника) В. В. Овсянников // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2006б. С. 81–93.

Овсянников В.В. Научный отчет об археологических работах в Иглинском районе и на территории г. Уфы в 2005 г. Уфа, 2006в / Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1037. 88 л.

Овсянников В.В. Характер взаимодействия носителей кара-абызской культуры с соседним населением во II–IV вв. н. э. // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Мат-лы науч. симпозиума. Ижевск: УдГУ, 2006в. С. 88–93.

Овсянников В.В. Динамика взаимодействия кочевого и оседлого населения Приуралья во 2-й половине I тыс. до н.э. – 1-й половине I тыс. н.э. // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы III региональной (с международным участием) научно-практической конференции / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челяб.гос. ун-т, 2006г. С. 74–76.

Овсянников В.В. Новые исследования Шиповского могильника на Средней Белой (II в. до н. э. – III в. н. э.) // XVII УАС. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.) / Отв. ред. А.А. Труфанов. Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2007. С. 204–206.

Овсянников В.В. Отчет об археологических исследованиях Шиповского курганно-грунтового могильника в Иглинском районе Республики Башкортостан в 2006 году. Уфа, 2008 / Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.

Овсянников В.В. Опыт выделения зон активного взаимодействия оседлого и кочевого населения Предуралья в савромато-сарматскую эпоху В. В. Овсянников // УАВ. Вып. 9. 2009а. С. 144–156.

Овсянников В.В. Кара-абызская культура (V в. до н. э. – IV в. н. э.) // История Башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М. М. Кульшарипов. М.: Наука, 2009б. С. 223–245.

Овсянников В.В. Отчет об археологических разведках в Гафурийском и Архангельском районах республики Башкортостан в 2008 году. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009в. 48 с. / Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.

Овсянников В.В. Отчет об археологических исследованиях Шиповского курганно-грунтового могильника в Иглинском районе Республики Башкортостан в 2008 году. Уфа, 2009 г. / Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.

Овсянников В.В. Отчет об археологических исследованиях Охлебининского II городища в Иглинском районе республики Башкортостан в 2009 году. Уфа, 2010 / Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.

Овсянников В.В. Структура курганных насыпей Шиповского могильника // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, археологические культуры, хронология. Уфа: БГПУ, 2010. С. 229–230.

Овсянников В.В. Общие элементы в погребальном инвентаре населения кара-абызской культуры и сармат лесостепи Южного Предуралья (по материалам Шиповских, Старо-Кишкинских и Бишунгаровских курганов) // УАВ. 2014а. № 14. С. 168–177.

Овсянников В.В. Культурно-исторические процессы в лесостепном Предуралье в середине I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э. // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т.1 / Ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 375–377.

Овсянников В.В. Селище Воронки — ранний памятник кара-абызской культуры // Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 303–313.

Овсянников В.В. Предкараабызские памятники Прибелья (некоторые историографические и источниковедческие аспекты) // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 70–88.

Овсянников В.В. Естественно-научные исследования культурного слоя поселений Прибелья эпохи раннего железа // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: СГПУ; ООО «Порто-принт», 2018а. С. 240–242.

Овсянников В.В., Курманов Р.Г. Палинологические исследования культурного слоя Бирского поселения // Поволжская археология. 2018. №3. С. 88–102.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследование могильника у Чертова городища в Уфе (1911–1912 годы) // УАВ. 2003. Вып. 4. С. 16–46.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 336 с.

Петренко А.Г. Osteологические комплексы из археологических раскопок памятников эпохи железа на территории Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Т. IV / Ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФАН СССР, 1971. С. 113–116.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984. 174 с.

Петренко А.Г. Ритуальные остатки животных в погребениях Охлебининского могильника // Проблемы древних угров на Южном Урале: Сборник статей. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 10–19.

Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) / Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 114 с.

Проценко А.С. История изучения кара-абызских древностей в XX веке (начальный этап изучения археологической культуры) // Известия Самарского научного центра РАН. 2015а. Т. 17, №3(2). С. 559–566.

Проценко А.С. Культура эпохи раннего железа на Южном Урале в этногенетической концепции происхождения башкир // Этнос. Общество. Цивилизация: Четвертые Кузеевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Уфа, 30 сентября 2015 г.). Уфа: Полиграфдизайн, 2015б. С. 38–39.

Проценко А.С. Погребальный обряд детских погребений кара-абызской культуры (по материалам грунтовых могильников) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Гос. ист. музей Южного Урала, 2017. С. 123–125.

Проценко А.С. Кара-Абызское городище в лесостепи Предуралья: новые материалы // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СГПУ; ООО «Порто-принт», 2018. С. 240–242.

Проценко А.С., Сатаев Р.М. К вопросу об основах жизнеобеспечения носителей кара-абызской археологической культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №6 (44). С. 125–133.

Пшеничниук А.Х. Биктимировский могильник // АЭБ. Т. II. Уфа: БФАН СССР, 1964. С. 215–231.

Пшеничниук А.Х. К вопросу о керамике кара-абызских поселений А. Х. Пшеничниук // АЭБ. Т. II. Уфа: БФАН СССР, 1964б. С. 97–99.

Пшеничниук А.Х. О периодизации кара-абызских памятников // УЗ ПГУ. 1967а. № 148. С. 156–170.

Пшеничниук А.Х. Формирование кара-абызской культуры А // V УАС (тез. докладов). Сыктывкар, 1967б. С. 50–53.

Пшеничнюк А.Х. Охлебнинский могильник // АЭБ: БФАН СССР. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа, 1968. С. 59–104.

Пшеничнюк А.Х. Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры (кара-абызская культура). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1968а. 24 с.

Пшеничнюк А.Х. Племена раннего железного века в Башкирии // АЭБ. Т. IV / Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1971. С. 89–92.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ Т. V / ред. Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов. Уфа БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников // Древности южного Урала / Отв.ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–149.

Пшеничнюк А.Х. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Ред. А. Х. Пшеничнюка, В. А. Иванова. Уфа: БФАН СССР, 1983а. С. 77–103.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983б. 199 с.

Пшеничнюк А.Х. Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в Центральной Башкирии // Приуралье в эпоху Бронзы и раннего железа / Ред. А. Х. Пшеничнюка, В. А. Иванова. Уфа: БФАН СССР, 1983в. С. 94–105.

Пшеничнюк А.Х. Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв.ред. А. Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 45–74.

Пшеничнюк А.Х. Об угорском компоненте в культурах Приуралья эпохи раннего железа // Проблемы древних угров на Южном Урале: Сборник статей. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 4–9.

Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебнинского могильника // Хронология памятников Южного Урала: Сб. ст. Уфа, 1993: ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 32–61.

Пшеничнюк А.Х. Глиняная посуда Охлебнинского могильника кара-абызской культуры // УАВ. 2004. № 5. С. 189–191.

Пшеничнюк А.Х. Звериный стиль Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. ст. к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка / отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 26–37.

Пшеничнюк А.Х., Овсянников В.В. Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007.

Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н. э. – конец XVII в.). Л.: Наука, 1990. 138 с.

Савельев Н.С. К вопросу о поселенческих памятниках ранних кочевников Южного Урала // УАВ. Вып. 1. Уфа: НМ РБ, 1998. С. 53–58.

Савельев Н.С. «Трансуральский путь» и формирование этнокультурной карты лесостепи Южного Урала в эпоху раннего железа // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2001. С. 140–141.

Савельев Н.С. Месягутувская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа: Гилем, 2007а. 260 с.

Савельев Н.С. Конская узда IV–III вв. до н.э. из Шиповских курганов и лесостепи Южного Приуралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография археологическая конференция. Уфа: Китап, 2007б. С. 330–339.

Савельев Н.С. Кара-абызский олень: истоки образа и его трансформация Н. С. Савельев // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III / Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макарова. М.: ИА РАН, 2008а. С. 69–72.

Савельев Н.С. Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н. э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы международной научной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» / Ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: ОГПУ 2008б. С. 116–135.

Савельев Н.С. Новые исследования Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // УАВ. 2009. №9. С. 127–140.

Савельев Н.С. Гончарная и ремесленная керамика Шиповского комплекса памятников кара-абызской культуры // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения Материалы Международной научно-

практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева / Ред. А.Б. Юнусовой. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009а С. 118–120.

Савельев Н.С. Этнокультурные компоненты лесостепи Южного Приуралья на стадии сложения кара-абызской культуры (по материалам поселения Акбердино-3) // XVIII Уральское археологическое совещание. Культурные области, археологические культуры, хронология. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 11-16 октября 2010 г.) / Ред. Г.Т. Обыденнова и др. Уфа: БГПУ, 2010а. С. 235–240.

Савельев Н.С. Керамические импорты кара-абызской культуры: их происхождение, контекст и датирующие возможности // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР. № 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010б. С. 299–322.

Савельев Н.С. Научный отчет о проведении разведочных археологических исследований в г. Уфе, Благовещенском и Уфимском районах Республики Башкортостан по Открытому листу № 904 от 02.09.2010 г. // ООО Научно-исследовательский центр «Наследие». Уфа, 2011. 222 с. / Архив НИЦ «Наследие».

Савельев Н.С. Гафурийский керамический комплекс Биктимировского городища в лесостепи Южного Приуралья // РА. № 2. 2011а. С. 56–66.

Савельев Н.С. Памятники эпохи раннего железа горного течения р. Белая (разведочные работы А.П. Шокурова 1961–1962 годы) // Материалы Региональной научно-практической конференции «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвященной 100-летию со дня рождения краеведа-археолога Анисима Павловича Шокурова / Наследие веков. Вып. 2. Уфа, 2011б. С. 42–70.

Савельев Н.С. На границе Европы и Азии: основные факторы геокультурного развития Южного Урала // Антропология башкир / Отв. ред.: Н. Х. Спицына, Н. А. Лейбова (Суворова). СПб, Алетейя, 2011в. С.11–24.

Савельев Н.С. Полевые материалы к научному отчету об археологических раскопках в Благовещенском районе РБ в 2011 г. (могильник Кара-Абыз-2) / Архив НИЦ «Наследие».

Савельев Н.С. Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // УАВ. 2014а. № 14. С. 191–206.

Савельев Н.С., Яблонский Л.Т. Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья // Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 478–504.

Савельев Н.С. Поселенческие памятники кочевников скифо-сарматского времени в южной части горно-лесной зоны Южного Урала // УАВ. 2015 №15. С. 62–84.

Савельев Н.С., Курманов Р.Г., Сулейманов Р.Р. Первые результаты комплексных исследований Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Всылева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СГПУ; ООО «Порто-принт», 2018. С. 242–244.

Савельев Н.С., Овсянников В.В., Курманов Р.Г. Природные и этнокультурные трансформации на рубеже эр в лесостепи Южного Приуралья (по данным городища Акбердино II) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов [Электронный ресурс] / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ. 2017. С. 900–901.

Садовников С.Н. К вопросу о типологии керамики кара-абызской культуры // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции / отв. ред. Д.В. Васильев, А.В. Сызранов. Астрахань: ИД Астраханский университет, 2006. С. 116–117.

Садыкова М.Х. Новые памятники железного века Башкирии (исследования 1957 г.). АЭБ. Т.1 / Ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа, 1962. С. 123–131.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., 1952. С. 5–113.

Смирнов А. П. Железный век Башкирии // МИА. № 58. М., 1957. С. 5–113.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // МИА. № 27. 1952. С. 74.

Троицкая Т.Н. Раскопки Михайловского городища в Башкирии // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1959. С. 88–96.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа / Железный век Марийского края Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1962 с. 71–87

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 2 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1962. С. 7–187.

Чижевский А.А. Проблема распада ананьинской культурно-исторической области // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание» / Науч. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ Уро РАН, 2013. С. 80–82.

Широбоков И.Г., Черных Е.М. Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н.э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского университета. Т. 26. История и филология. Вып. 1. 2016. С. 25–34.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук (Предварительный отчет о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. 1929. № 8–9. С.1–28.

Шокуров А.П. Отчет Бельского отряда об археологической работе летом 1955 г. в Кушнаренковском районе Башкирской АССР. В 2 ч. Ч. 1. 1955 / Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 316. 43 л.

Шокуров А.П. Отчет Бельского отряда об археологической работе летом 1955 г. в Кушнаренковском районе БАССР. В 2 ч. Ч. II. 1955а / НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 317. 108 л.

Юсунов Г.В. Археологические разведки в Башкирии // КСИИМК. Вып. 64. 1956. С. 85–92.

Юсунов Г.В. Древнейшие поселения Гафурийского района. Рукопись. 1957 / Научный архив УФИЦ РАН. Оп.3, Д. 15. 89 с.

Юсунов Г.В. Древнейшие поселения Гафурийского района // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа, 1959. С. 58–87.

Юсунов Р.М. Об уралоидном компоненте в антропологическом типе башкир // Материалы к антропологии уральской расы: Сборник статей БНЦ УрО РАН. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. С. 54.

Информация об авторе:

Воробьева Светлана Леонидовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия); sveta_legion@mail.ru

FOREST-STEPPE PART OF SOUTHERN URALS IN EARLY IRON PERIOD: HISTORY OF STUDYING THE ISSUE AND RESEARCH PROSPECTS

S.L. Vorobyeva

The article considers the history of studying Kara-Abyz culture of the Early Iron Age in the forest-steppe area of the Southern Cis-Urals. Archaeologists have determined that in the 1st millennium B.C. - 1st millennium A.D. this area corresponded to the Ananyino period or Ananyino Cultural and Historical Area, Kurmantau culture, Kara-Abyz culture, Pyanobor culture, Gafurian and Ubalar types. The issues of establishment and development of Kara-Abyz culture are considered in the works by V.V. Golmsten, A.V. Zbrueva, T.N. Troitskaya, A.Kh. Pshenichnyuk, V.F. Gening, V.A. Ivanov, V.V. Ovsyannikov, N.S. Saveliev, and others. Since the identification of Kara-Abyz culture in the 1960s, the following key issues in this field have remained unresolved: the identification of Kara-Abyz as a separate culture (A.V. Schmidt, K.F. Lagodovskaya, A.Kh. Pshenichnyuk, N.S. Savelyev, V.V. Ovsyannikov, S.L. Vorobyov), or as a part of Ananyino culture (A.V. Zbruyev) or Pyanobor community (N.A. Mazhitov, V.F. Gening, R.D. Goldina); the determination of chronological periods, the issue of the origin of the Gafurian complex within the framework of Kara-Abyz culture. The main reasons for the diversity of concepts related to this issue are as follows: most of the archaeological material has not been published, and the anthropological material has been scarcely researched.

Keywords: Kara-Abyz culture, Kurmantau culture, Pyanobor culture, Gafurian type, Ubalar type, Ananyino culture, Imendyashevo type, history of studying, Cis-Urals, Early Iron Age.

About the Author:

Vorobyeva Svetlana L. Candidate of Historical Sciences. Bashkortostan National Museum, Sovetskaya str. 14, Ufa, 45008, Russian Federation; sveta_legion@mail.ru